

**Дан
Берг**

**Чуден
Днепр**

18+

Дан Берг
Чуден Днепр

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Берг Д.

Чуден Днепр / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга повествует о событиях 17 века и задевает иносказательно нынешние воззрения. Есть вещи неизменные. Кружится ветер, все возвращается, все повторяется. Звонят песни в селах, и сабли точатся. Ненависть пестуется, и для любви место есть. Богатые алчут наживы, землепашцы орошают землю потом, ремесленники гнут спину. Сильные куражатся, слабые копят злобу. А Днепр – все тот же Днепр, а степь – все та же степь.

Глава 1 Сбор

1

На чудном Днепре стоит скромный город Божин. Одни говорят, что добрую половину его жителей составляют евреи. Другие держатся противоположного мнения, дескать, добрая половина Божина есть украинцы и казаки.

Ранняя весна. Теплый ветер с юга. Снег осел, уплотнился, потемнел. Вот-вот река вскроется.

Евреи справили свой любимый веселый праздник Пурим. На исходе субботы главный божинский богач Эйзер созывает отцов города на сбор. Накануне обильных всевозможными делами и трудами лета и осени набирается бездна достойных обсуждения предметов. Иначе нельзя – ведь обсуждение есть путь к предпочтению общего интереса. А без этого кагал не выстоит против врагов, друзей и покровителей.

– Проходите, проходите в дом! – приглашает гостей радушный хозяин и рассаживает их вокруг накрытого стола.

Эйзер – мужчина средних лет, среднего роста и, как полагает равная ему годами и вышешней статная жена его Элишева, средних же способностей. Бог дал сей чете четверых детей – три младших дочери и старший сын Иона. Вопреки скромной оценке талантов мужа, последний замечательно преуспел в купеческом деле. Порой осторожный, порой смелый, но неизменно приверженный здравому смыслу, Эйзер, не торопясь, но уверенно полнит добром семейную казну. Немалое наследство давно уж преумножено. Прадед Эйзера пришел из немецкой земли в Варшаву, а отец двинулся дальше на восток, к Днепру, где много воли для предприимчивого характера.

Элишева то и дело подступает к мужу с вопросом: “Почему не женишь Иону? У семнадцатилетнего должен быть свой дом и первое дитя в люльке!” Всякий раз Эйзер изобретательно ускользает от ответа. Скрывая от матери страшное преступление сына, бережет слабое женское сердце, а еще пуще – свое мужское и сильное, ибо страшит его неистовый нрав супруги. А непутевый Иона не знает, что о грехопадении его, то есть о пламенной и, хуже того, взаимной любви к юной казачке Иванке, давно уж известили отца верные шпионы. Эйзер же никак не решится на откровенный разговор с отроком и терпеливо выслушивает ложь из сыновних уст.

Сегодня, как и обычно, Иона молчалив. Проницательный отцовский взгляд распознает на физиономии отпрыска, как из-за напускного выражения скучной обыденности проглядывает не то вдохновенное удовлетворение, не то удовлетворенное вдохновение. “Не иначе, досыта навидался со своей заздобой, нечестивец!” – подумал родитель. Эйзер вспомнил свою небезупречную юность. “Однако, я не безумствовал, как Иона, не терзал отцовское сердце, быстро вернулся на торную дорогу. В ешиве Иона не прижился, хоть и умен. Похоть превращает умного в глупца. Летом возьму его с собой на ярмарку в Люблин, пусть учится коммерции. Авось дурная страсть уступит место страсти к наживе. Известно ведь – стремления сердца непостоянны, и новое влечение теснит старое. Зашлю Иону по торговым делам куда подальше, чтоб позабыл свою шиксу и стал человеком”, – думает Эйзер.

2

– Рад видеть вас, гости, за этим столом! Пурим позади, враг наш Аман побежден, и пришла пора радоваться, не так ли, евреи? – шуткой пытался Эйзер прогнать печаль из сердца.

– Именно так! Спасение не за горами. Будем неколебимы в вере и образцово праведны, и не отсрочится более приход спасителя! – воскликнул Акива, каббалист, известный в Божине и других городах. Страстными речами он зароняет семена гордости в молодые души, красноречивыми проповедями орошает взошедшие ростки. Акива преуспел и много сердец пленил.

– То-то и горе, что в каждом поколении есть Аман, а счастливое избавление от супостата наши недруги именуют изуверством евреев, – заметил Залман, божинский раввин. Не принявши шутливый тон купца, он обиняком ответил каббалисту.

Формальное вступление окончено, и Эйзер переходит к практической стороне встречи. По долгу хозяина он удостоверяется, что у каждого на тарелке кусок, и горилка белеет в стопке. Обязательное благословение, глубокомысленный тост, короткая трапеза.

Для зачина Эйзер желает сказать нечто такое, что проникнет в душу к Ионе, разбудит уснувшую гордость избранника, рассеет тьму, скрывшую мерзость безумных вожделений. Эйзер напомнил, как явившиеся с запада евреи принесли расцвет земле польской в полтора года последних лет. Похвалялся, мол, без еврейской головы арендатора ни один шляхтич не управится с работниками и не соберет доброго урожая. Решительно заявил, что исконный купеческий талант сделал еврея безраздельным хозяином ближней и дальней торговли, и тем обогащает и его самого, и пана, и народ. И еще добавлял слов в том же роде. Довольные гости согласно кивали черными, рыжими, седыми бородами. И только тот, кому назначалась тирада, сохранял бесстрастную мину на лице.

3

Беседа в разгаре. Труды и старания, закавыки и препоны, хитрости и уловки, догадки и советы. Слышнее других голоса арендатора Хаима и корчмаря Симхи.

Хаим человек пожилой, много испытавший, известный своей мудростью. В Божине и в округе он – главный арендатор. Из многочисленной своей родни Хаим выбирает молодых и смекалистых и дает каждому его долю аренды. Верных вассалов научает, наставляет, направляет. Земля вовремя вспахана, сады образцово ухожены, урожай полнит панские закрома. “Не давай крестьянину лениться – будет сыт и трезв!” – такого мнения держится старейшина арендаторского клана.

– Послушайте меня, люди добрые, – говорит Хаим, – есть у нас, у арендаторов, хвороба, и если разовьется она, заболит у всех. В довесок к желанной аренде хозяйства и земли паны принуждают нас брать на откуп православные церкви. Хоть в документах не записывают, но на словах требуют. Не надобно нам этого барыша, опасен он. И без того не любезны мы крестьянам и казакам, а за то, что держим ключи от их молелен – ненавидят нас. Это общее дело, вместе надо думать, как беду предупредить, – закончил Хаим.

– Это важно, это обсудим в конце, – заявил раввин Залман.

– У казаков душа горит, и руки чешутся, – неожиданно вступил в разговор молчавший доселе Иона. Несомненная осведомленность сына напомнила Эйзеру о семейной печали.

Симха, владелец корчмы, что у въезда в Божин – молодой здоровяк с широкими плечами и тяжелыми кулаками. Манеры и выражения посетителей его заведения – не высшей пробы деликатности. Это обстоятельство, казалось, должно было закалить и огрубить Симхину душу, изгнать из нее вечный еврейский страх. Потому удивительно звучит жалоба в устах божинского Самсона. Знает он, однако: смазку получает самое скрипучее колесо в телеге.

– Казаки, пока трезвые, клеветают на нашего брата корчмаря. Говорят, мы крестьян за чубы хватаем, в шинок тащим, заставляем горилку пить, народ спаиваем. Ложь! Доброй волей к нам тянутся, жены их бедные силой рвут чарку из рук пьяниц. Когда же подопыют лихие витязи, грозят разгромить заведения наши, а нас самих повесить. Власть панская должна оборонять нас от произвола, ведь изрядный налог с нас взимает! – жалобится Симха.

– Шинкарь с его товаром запорожцу лучший друг. Нет причины казака бояться. Да и мессия у порога, поплатятся обидчики! – воскликнул Акива.

– Боюсь, ты легкомыслен, дорогой Акива, – заметил Эйзер.

Залман, который обычно составлял оппозицию Акиве, на сей раз не возразил каббалисту. Раввин решил, что наступил момент довести до сведения почтенного собрания новость, которую он приберег к финалу.

– Слушайте меня, евреи! – драматическим голосом произнес Залман, – я сообщу вам нечто такое, что, если достанет нашей мудрости, даст нам надежду на исправление зла и водворение добра.

Тут глаза заблестели, брови поднялись, бороды застыли, уста смолкли. Залман продолжал.

– Мне донесли, что казацкий сотник Рудан Дворецкий томится в турецком плену. Человеку этому прочили великое будущее. Отец его, подстароста Исай Дворецкий, известен своим благорасположением к нашему брату. Он болен, страдает от ран, и в любой день можно ждать недоброй вести. Средств для выкупа сына у старика не хватает, и это – наша удача. Пусть каждый, не скупясь, вложит свой пай, и вызволим из беды будущего владыку запорожского, и обяжем его, и тем оградим себя от бед.

План Залмана возбудил дебаты бурные, но краткие. Безмилосердная реальность отваживает от алчности в пользу здравомыслия. Собравшиеся сделали чрезвычайный сбор и поручили Эйзеру доставить деньги отцу будущего властителя еврейских судеб.

Глава 2 Яблоня и яблоко

1

Король расположился в одном из бельведеров в парке варшавского дворца. Шляпа с белым пером брошена на траву, рядом с нею распластался светлый атласный плащ, и кружевной воротник расшнурован. Жарко. На коленях закрытая книга. Тяжелый переплет с медными скобами обтянут черной кожей. Не чтение занимает сидящего. Король ожидает визитера. Вот-вот должен появиться казацкий сотник Рудан Дворецкий.

В намерении поднести или получить награду заключена приятность нетерпения. Обязанность сообщить ли, выслушать ли тревожное известие испытует твердость духа. Верно это для обеих сторон, и пусть одна из них – сам польский король, а другая – мелкопоместный шляхтич.

Показался статный молодой мужчина. Ради приема во дворце гость сменил живописный наряд казацкого офицера на привычное королевскому глазу платье европейского дворянина. В ответ на выражение верноподданного почтения прозвучали слова покровительственного благорасположения.

– Я несказанно рад твоему возвращению, Рудан. Моя армия нуждается в отважных и умных командирах.

– О, премного благодарен, Ваше величество! Когда предо мной встают картины недавнего турецкого плена...

– Стоп, стоп, Рудан! Прошу не продолжать. Уж мне описали твое мученичество, и вновь слышать об этом чрезмерно тяжело для монаршего сострадающего сердца. Ты вернулся, и слава Всевышнему!

– Воистину так, Ваше величество!

– Куда как радостнее вспоминать штурм французской крепости. Граф, посланник Франции, писал мне, что у казаков есть полководец, подающий блестящие надежды. По словам посла, Рудан Дворецкий великолепно распорядился своею армией!

– Мне самому услада думать о тех днях.

– Господин Дворецкий! За храбрость в войне с турками, за мужество в плену и, наконец, за утверждение славы польского оружия в Европе, вручаю вам сию награду!

Раскрасневшийся от гордости и похвал Рудан глубоко поклонился и принял из рук короля резную шкатулку. Велико желание казака поскорей увидеть, чем полнится ларчик, но, не будучи уверен в совершенстве своих придворных манер, он смирил любопытство. Скользя по лицу монарха улыбка сменилась приготовленной миной печали.

– Мой друг, в том же бою, что тебя пленили, твой отец был ранен. Я прикомандировал к больному лучшего своего лекаря, и тот поставил на ноги Исаю Дворецкого. Увы, давеча я получил печальную весть – рана вновь открылась.

– Ваше величество, я весьма обеспокоен, разрешите следовать домой, к больному батюшке!

– Поспешай, Рудан! И передай родителю мою великую благодарность за доблесть и за доблестного сына и непременно возвращайся под мои знамена!

2

Рудан торопится домой. Тревога гложет сердце. По-прежнему любит отца, хотя в последние годы окрепли прежде мягкие шипы несогласия. “Забыть о разномыслии, – думал Рудан, – лишь бы жил, пусть и увечный!”

Днями Рудан едет верхом, ночами сон не идет к нему. Вспоминает отчий дом, годы учения, друга Миколу Шилохвоста.

Исай Дворецкий, подстароста, по осени самолично отвозил сына в Киев, в братскую школу, а по весне забирал обратно. Во львовский иезуитский коллегиум повзрослевший Рудан отправился сам. Чужая вера претила, а все ж славное было время!

“Я лучше прочих школяров успевал в предметах, – смакует воспоминания Рудан, ворочаясь с боку на бок, – никто так ловко не болтал по-польски, никто так бегло не читал латынь. Не зря классный дядька нахваливал, дескать, у меня память необычайная, дар с людьми сходиться и их язык перенимать. В плену я и турецкий и татарский выучил! Впрочем, Микола мне не уступал. В чистописании и красноречии, пожалуй, упреждал меня. А уж талантом к сочинительству его бог наградил. Где он обретается? Скрытный, о семье скудно говорил. Обязательно разыщу!”

Турецкий плен, вернее рабство двухлетнее, всякую думу черным пятном метит. Прав король. Суровое испытание для гордого духа. Не идет из головы мысль: “Кто выкупил меня? У отца сроду таких денег не было. Кто платил? Кому обязан? Быть в долгу – что в неволе жить!”

3

Там, за холмом, сердцу любезная усадьба. Родной очаг не за красу мил, а оттого, что свой. Рудан прищпорил коня. Дворовый слуга едва уберется, отворяя ворота всаднику.

Отец лежал на раскладной кровати, в саду, в тени яблоневого дерева. Тут же стояла плетеная корзина, полная яблок. Лицо Исая бледнело в оправе длинных темно-каштановых волос. “Батюшка не поседел. А ведь он плох”, – мелькнуло в голове Рудана.

– Сынку! Успел! Господу нашему слава! Повидаю тебя перед кончиной! Я отхожу, Рудан, – вскричал Исая голосом, слишком крепким для умирающего.

“Нет, не умрет. Это страх и воображение”, – подумал Рудан. Он опустился на колени перед спартанским ложем больного, обнял отца за плечи, поцеловал в лоб.

– Ты непременно поправишься, отец. Король вновь посылает к тебе лекаря, он придет днями.

– Король добр к нашей семье. Вчера мне донесли, что ты награжден – слухи мчатся быстрее лошадей. “Эй, Варлам! – крикнул Исая домоуправу, – распорядись-ка о бане и об обеде. Видишь, Рудан приехал. Есть у нас гость дороже?”

К вечеру потянуло прохладой. Рудан и Варлам помогли больному переместиться в дом. Исая полулежал, облокотясь на пирамиду подушек. Сын пристроился рядом. Отец скептически оценивал свою перспективу, вознамерился осенить сына заранее приготовленными наставлениями.

– Сынку, мало осталось мне дней жизни. Знаю, ты горд, не жалуешь непрошенных советов. Снизойди, однако, и выслушай своего старика.

Рудан набрал побольше воздуха в легкие, приготовился смиренно внимать.

– Мое первое наставление тебе – покуда мысль не созрела вполне, не торопись задуманное оглашать, тем паче действовать поспешно. Совет такой годится?

– Разумеется, отец.

– Продолжу. Ссор остерегайся, но ежели дошло до драки, действуй так, чтоб остерегался недруг. Согласен?

– Разумеется, отец.

– Охотно слушай, меньше говори. Ведь слушая, ты приобретаешь, говоря – лишь отдаешь. Принимаешь это?

– Разумеется, отец.

– В дружбе будь до конца верным, но не бескорыстным. Расчет дружбе не вредит. Помню, ты любил Миколку Шилохвоста. Какого он роду, какого племени? Темная лошадка. Я бы поостерегся с таким сблизаться.

– Он хороший товарищ. И умен.

– Запомни, сынку, в равной мере худо ждать возврата долга и тяготиться ролью должника.

– Прости, отец, я перебыю. Упомянув о долгах, ты уколол дремавшую тревогу. На чье золото турки обменяли твоего сына?

– Не удивлен вопросу. Деньги явились из города Божин, что на нашем чудном Днепре. Богатый купец дал. Еврей по имени Эйзер. Община сделала складчину. Верой в твою великую будущность Эйзер мне польстил. Тебя спасая, он для своих мостит дорогу к большому преуспеянию.

– Евреи вложили состояние в мою карьеру. По гроб жизни буду обязан их нечистому племени.

Рудан помрачнел. Исай робко взглянул в ожесточившееся лицо сына.

– Сынку, евреи не так плохи, как принято думать. Сравняй их с собою в голове твоей, не ставь препоны им, и они пользу принесут великую. Уменьем своим невообразимо разовьют коммерцию, земледелие и всякое ремесло. Они сторицей платят королю за привилегии. Если прав Эйзер, и судьба тебе взлететь высоко, не раз еще придет нужда в больших деньгах. Рука моет руку, а доставивший выгоду другому, доставит ее и себе.

– Отец, когда был я в турецкой кабале, услышал разговор двух евреев из наших мест. Пленники, ожидали выкупа. Они говорили по-своему. Не знали, чей я сын. Я к языкам склонен, тарабарскую их речь еще до плена научился понимать. Разговор был о нашей семье. Один твердил, мол, подстароста Исай Дворецкий родом из евреев, дед его принял крещение. Другой согласен, дескать, только еврей станет своего сына наукам учить. Не оттого ли, что правы они, ты за евреев вступаешься, батя?

– Гордись своим шляхетским родом, сын мой!

– Ответ туманен. Я в разных странах побывал. Племя иудейское гонимо везде и по праву. Евреи – несчастье христиан. Лучше поступиться выгодой, да не быть в долгу у тайных врагов.

– Оставим спор, Рудан. Будь верен сам себе и ни за что не изменяй нашей вере православной. Вот мой завет.

Отцовские воззрения на иудейство огорчили Рудана. Наставления же показались ему слишком очевидны, прямолинейны пожалуй. Но порадовал завет родителя – оставаться православным, хранить родную веру. Лицо его просветлело. Сын взял отца за руку, сказал с теплом: “Ты прав, батюшка, оставим спор. Ты исцелишься, будешь жить!”

Глава 3 Над рыбным рядом созвездие рыб

1

Мал, но замечательно красив город Божин. Зеленые извивы высокого днепровского берега чаруют глаз. Заметные издали высокие колокольни церквей, видимые вблизи зубчатые башни городской стены и, наконец, мелькающие за витыми оградами строгие здания синагог – все наполняет гордостью души горожан и завистью сердца пришельцев. Счастлив Божин своею судьбой, ибо вдоволь у него певцов. Украинцы и евреи, каждое племя на свой лад, воспевают город и тем крепят славу его.

Рынок в Божине хоть и не сияет архитектурной красотой, но весьма примечателен обилием товаров. Утро пятницы – время особенного значения. Рыбный ряд становится воистину велик, выплескивается за городскую стену. В часы эти продается рыбы едва ли не больше, чем в прочие дни недели взятые вместе. За прилавками стоят крестьяне, а евреи – покупатели. Субботнюю трапезу, которая начинается пятничным вечером, еврей не мыслит без свежей фаршированной рыбы. Продавцы довольны выручкой, перешептываются незлобиво, дескать, Мойша, прихвостень арендатора Хаима, накануне пятницы не только что не запрещает рыбалям промышлять, но даже гонит их на реку. Заядлые отрицатели, однако, твердят, что запретов никаких нет, их сами добытчики рыбы выдумали, чтоб свою лень оправдать.

2

Как-то раз, купец Эйзер, богатый божинский еврей, очутился в рыбное утро в рыбном ряду. С ним Иона, семнадцатилетний сын его, неженатый пока. Вышли они из дома ранним утром, направились к раввину Залману обсудить сватовство старшей дочери Эйзера, сестры

Ионы. Жена купца, статная Элишева, отпустила служанку по болезни и потому поручила супругу обратной дорогой позаботиться о первейшем субботнем блюде.

Не только среди евреев, но и в казачьих семьях встречаются порой ценители даров Днепра. Евдокия, жена казака Ефрема, взявши с собой дочь Иванку – пусть учится девица выбирать товар и торговаться о цене – пошла в базарный день купить недорого несколько фунтов рыбы.

Случаю было угодно свести двух евреев и двух казачек в одном месте и в одно время. Всякому ясно: Эйзер и Евдокия друг другу не интересны. Купили рыбу у продавцов за соседними прилавками и разошлись в разные стороны, увлекая за собой каждый свое чадо. Иное дело отпрыски. Лишь мгновения достало быстрому взгляду Ионы, чтоб вобрать в душу прелестную нежность девичьего лица, белизну косы, венком лежащей на голове, пригожую хрупкость тонкого стана. В половину мгновения Иванка настигла смелого взора стрелу. “Глаза голубые, белокурый, высок, широк в плечах. Словно казак. Зачем он еврей?” – подумала. Взволновались Иона и Иванка, что-то учуяла Евдокия, в безмятежности пребывал Эйзер.

Напрасно случай называют слепым. Он видит, предвидит, а то и предопределяет. Иначе не встретились бы вновь наши герои утром следующей пятницы. Как известно, в городе Люблине каждый год ярмарка. Купец Эйзер не последний человек там. Божинский рынок подскажет, что и почем продавать и покупать на великом торговом съезде. Вот и бродит Эйзер по рынку, вникает сам, наставляет Иону, наследника коммерческого ремесла. А Евдокия с Иванкой вновь захотели полакомиться и, пренебрегши насмешками соседей, мол, еврейский вкус переняли, отправились со своего казачьего хутора к божинской городской стене, в рыбный ряд. “Не все любят одно и то же, мы – иные, нам другое подавай!” – решительно заявила Евдокия. Хороший вкус уверен в себе.

Тут на горизонте показались всадники – это татары задумали поживиться деньгами и товаром, а то и пленных ради выкупа захватить. Покупатели и продавцы бросились к городским воротам. Паника, теснота, давка. Лицом к лицу столкнулись Иона и Иванка. Водоворот толпы притиснул друг к другу юные тела, и сердца горячие замерли. Подоспевшие казаки саблями и копьями рассеяли разбойников. Люди угомонились, разошлись. Сладость пережитого ворвалась в души молодых, оглушила. Евдокия пристально глядела на трепещущую свою дочь. Эйзер с подозрением покосился на бледного отрока.

3

“Как он пригож! Глаза добрые. Верно, не грубый совсем. Чай, слова ласковые на языке. Умен должно быть, книжник, как многие из них. Парубки наши не таковы, вино да драка на уме. Вот, влюбилась в чужака. Как забыть его? Нейдет синеглазый из головы. Тайной обзавелась. Быть беде. А любви хочется!”

“О, как прекрасна она! Словно Шуламит. Нет, та черна, а казачка моя бела. Песнь песней в сердце стучит. Любовью болен. Мне не жить без нее. Она чужая. Если станет моей, станет ли своей? Погибнем в этом мире. Что делать с тайной? Кто даст совет? Быть беде. Но ведь есть любовь!”

Так думали Иванка и Иона. А еще подумали об одном и том же: “Вот, случилась ведь вторая встреча после первой. В том же месте, в тот же день и час. Видно, так угодно судьбе, и тут ее подсказка. А судьбе нельзя перечить, звезды на небесах правят ею. Явлюсь на рынок утром в пятницу – и непременно встретимся!”

Химера подмигнет человеку, и уж он все сделает, чтоб погубить себя. Не обморочила судьба верующих в нее, и свиделись молодые. Укрылись в роще, что неподалеку. Уселись на траву, и давай глядеть друг на друга, и в глазах любовь бездонная, словно жизнь каждого до сего дня была лишь приготовлением к нему и ожиданием его, и вот, свершилось. Иона и Иванка изобретательны в уловках и всякий раз выдвигали новую причину, чтоб исчезнуть из дома и встретиться в заветном месте.

Нелишне заметить, что практическим результатом свиданий для Ионы стали хорошие всходы семян украинской речи, которые заронил в юную голову дальновидный Эйзер, готовивший сына к коммерческой карьере. Иванка же в свою очередь черпала из уст возлюбленного столь умные штуки, что и наиученейшему казаку они едва ли ведомы.

Евдокия притворялась, будто верит дочкиным хитростям. Болью и страхом наполнилось материнское сердце. Но и для радости, а то и для зависти находился в нем уголок. “Богатырь белокурый, и умен, и добр, и богат. Да какое ж девичье сердце устоит? Могу ли я повернуть реку вспять, хочу ли? Боюсь беды, но хоть накоротко глотнет счастья Иванка моя!” – думала мать.

Эфемерны тайны в Божине. Эйзер не лыком шит. Отрядил кучера Мотла шпионить за Ионой и узнал необходимое. “Я сам не свят был в юности, но за край пропасти не заглядывал. Пропадет еврей! Страшно по живому сыну траур справлять. Как горю помочь?” – терзался бедный отец.

4

Не придумали пока Иона и Иванка для своей любви будущего. Есть лишь настоящее, да и оно зыбко, как днепровские дюны. Потому ласки их особенно горячи и жадны. Обо всем на свете говорят юные любовники, лишь бы греться в лучах мгновения, не скользнуть в холодную тень грядущего. Казачка рассказывает о знакомом житье-бытье, о войнах и победах, о доблести и силе. Иона восторгается молодечеством, говорит, хотел бы на коне гарцевать, саблей рубить, удалому мужскому братству принадлежать. Иванка завидует счастливым женам, коих умные и верные мужья всегда при них и всегда несут в дом книги и золото, а не вино и трофеи военные. Дивятся оба, почему человека к чужому влечет? Так же и в любви. Крепка ли тяга эта?

Среди многого разного нашлось и одинаковое: оба родились под созвездием рыб. Иванка смеется, а Иона серьезен, говорит, пойду к каббалисту Акиве, спрошу его, что это нам сулит. На другой день пришел Иона на свидание, и растерянность в лице его. Вот, рассказывает, подступился я к Акиве с моим вопросом, а тот заглянул в каббалистическую книгу, и толкует, что созвездие рыб – то созвездие месяца адар, и кто родился в этом месяце, тот непременно страстен и добросердечен.

– Это о нас, – заметила Иванка, положив голову на плечо Ионе.

– Адар бережет от зла, – продолжил Иона, и Иванка глубоко вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.